

Публицистика

К 60-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

Я ВИДЕЛ БУДУЩЕЕ

Зарубежные писатели
о Советском Союзе:
путевые очерки, дневники,
воспоминания, статьи.
1917—1977

ЭРСКИН КОЛДУЭЛЛ

Соединенные Штаты
Америки

Из книги
«По дороге в Смоленск»,
1942 г.

■
ЭРСКИН КОЛДУЭЛЛ (род. в 1903 г.) — американский писатель. Автор многих романов, сборников рассказов, публицистических книг. На русский язык переведены его романы «Табачная дорога», «Любовь и деньги», повесть «Мальчик из Джорджии», а также «Повести и рассказы» и др.

«Иностранная литература» публиковала романы «Дженни» (№ 12, 1962), «У нас дома» (№ 10, 1963), главы из книги очерков «В поисках Бисно» (№ 10, 1965), рассказы.

Летом 1941 г. Эрскин Колдуэлл был корреспондентом журнала «Лайф» в Москве, вел радиопередачи на США.

Когда началась война...

Когда началась война, мы были в Сухуми — курортном городе на Черном море. Сообщение по радио о том, что СССР находится в состоянии войны с Германией, поразило граждан Советского Союза как громом. В это солнечное утро 22 июня 1941 года повсюду на улицах я видел безмолвные толпы, собиравшиеся около громкоговорителей. Люди смотрели в темные раструбы рупоров, словно не веря своим ушам. На их лицах были растерянность и страх. Но страх быстро исчезал, уступая место выражению спокойной уверенности, желанию действовать. Все, кого я видел в эти первые сутки войны, думали только о том, где и как наилучшим образом выполнить свой долг. Мужчины призывного возраста, только-только приехавшие провести свой отпуск на черноморском побережье, сотнями садились в поезда,

¹ Продолжение. Начало см. в № 5 и 6.

стремясь скорее вернуться домой. В течение нескольких часов призывные пункты были буквально завалены заявлениями добровольцев, так что их подачу пришлось запретить.

С начала войны гражданские авиалинии перестали действовать, и мы через три дня отправились в Москву на поезде. Нам предстояло проехать 1500 миль через Ростов-на-Дону, Харьков и центральные районы Российской Федеративной Республики.

Железная дорога была забита военными эшелонами, но тем не менее пассажирские поезда задерживались относительно мало, и мы приехали в Москву всего лишь на день позже, чем полагалось по расписанию.

Москва уже жила в ритме военного времени. Замечательным было народное ополчение. Идея его восходит к войне с Наполеоном в 1812 году и к обороне Петрограда (теперь Ленинграда) во время гражданской войны. Народное ополчение состоит из мужчин в возрасте от 18 до 50 лет, которые не были мобилизованы и не сумели добиться, чтобы их взяли в армию. Они разделены на полки и батальоны, проводят военные учения и работают на возведении оборонительных сооружений. Народное ополчение представляет собой вспомогательные силы, ему поручается охрана важных объектов, а при приближении фронта ополченцы вскидывают винтовки на плечо и занимают свое место в окопах. Военной формы они не носят.

В первые недели войны жившие в Москве иностранцы были настроены явно пессимистически. Москвичи же сохраняли поразительный оптимизм. Американцы говорили о падении Москвы как о чем-то предрешенном и были уверены, что Гитлер возьмет ее после двух-, трехнедельного наступления. Русские же даже мысли не допускали о том, чтобы сдать Москву.

Понаблюдав, как вели себя русские в первую неделю войны, я ни секунды не сомневался в том, что они сумеют остановить немцев. Было очевидно, что Красной Армии придется отойти довольно далеко в глубь страны, прежде чем фронт стабилизируется, но постепенно становилось все яснее, что ее отступление через Прибалтийские республики, Белоруссию и Украину осуществлялось по плану.

В эти первые недели войны иностранцы особенно поддавались воздействию немецкой пропаганды. В частности, заявления немецкого радио произвели на американцев столь сильное впечатление, что многие из них не сомневались в неминуемом и быстром поражении русских, а кое-кто уже упаковывал чемоданы, готовясь к спешному бегству из Москвы. Других иностранцев немецкая пропаганда звергла почти в такое же смятение.

Однако русские не слушали немецкого радио, их не подавляла мысль о несокрушимой мощи Германии. Они твердо верили в свою конечную победу и были полны непреклонной решимости выиграть войну.

В Москве, разумеется, было введено затемнение... Навсегда останется в моей памяти первая ночь, которую я провел на улицах погруженной в мрак столицы.

Ходить по улицам после комендантского часа можно было только с пропуском. Выдавались такие пропуска лишь тем, кому по служебным обязанностям требовалось ходить и ездить между полночью и четырьмя часами утра.

За несколько минут до полуночи я вышел из отеля и пошел по улице Горького. По ту сторону площади в темное небо врезались башни Кремля, словно перенесенные сюда из какой-то средневековой сказки. Улица Горького — главная улица Москвы, и в мирное время она была запружена людьми до двух-трех часов ночи. Но теперь я увидел лишь нескольких человек, которые торопились вернуться домой до полуночи. Иногда в темноте медленно проезжали редкие автомобили.

Ровно в полночь улицы совершенно опустели. На перекрестке смутно светились зеленые и красные огни светофора. Машины шли с погашенными огнями, и лишь у некоторых чуть светились узкие прорезы на фарах.

Я шел вперед почти ошупью. Потом из темноты передо мной возникли какие-то фигуры. Я прислонился к фонарному столбу. Они подошли ко мне — женщина и двое мужчин в гражданской одежде — и потребовали пропуск. Рассматривая его, они задали мне несколько вопросов по-русски. Я, запинаясь, попытался ответить на том же языке, и они спросили меня напрямик, англичанин я или немец. «Американец», — ответил я. По-видимому, они были удовлетворены, потому что один из мужчин протянул мне пропуск, и все трое растворились в темноте так же бесшумно и таинственно, как возникли.

Я продолжал стоять на месте, а затем чиркнул спичкой, загорел ее ладонями и закурил. Я заметил, что руки у меня дрожат. Первый раз я зажег спичку на улице во время затемнения, и мне казалось, что у меня над ухом вот-вот просвистит пуля. Некоторое время спустя я узнал, что курить и зажигать спички на улицах запрещалось только во время воздушной тревоги.

Я пошел дальше. Мои глаза уже привыкли к темноте, и я обнаружил, что избежать столкновения с фонарными столбами не так уж трудно. Потом я заметил, что почти в каждом подъезде стоит дежурный. На углах они стояли группами по три-четыре человека.

Через полчаса меня снова остановили. До конца комендантского часа мне в общей сложности пришлось предъявлять пропуск одиннадцать раз — милиционерам и дежурным.

Наконец я повернул обратно. Когда я проходил перекресток, меня вдруг оглушил пронзительный свисток. Взорвись рядом тысячекилограммовая бомба, я, наверно, был бы потрясен меньше. Тут же взвизгнули шины резко затормозившего автомобиля.

Из мрака появился милиционер и потребовал у шофера его пропуск и пропуск на машину...

Начинало светать, и мало-помалу по сторонам улицы встали дома, о существовании которых я даже не подозревал. Город приобретал реальные очертания. Я спускался к Красной площади, и вид знакомых зданий вернул меня к действительности. Нет, я был в Москве, а не на неведомой планете, где вдруг погасло солнце.

В шесть часов, когда я подходил к отелю, из подъездов начали выходить спешившие на работу люди. По мостовой катили грузовики, автобусы, мотоциклы, ярко вспыхивали огни светофоров, отдергивались занавески, поднимались темные шторы — жизнь в Москве входила в обычную дневную колею.

Улица Горького вливалась в Красную площадь, по которой, громяхая, двигалась на запад колонна грузовиков с солдатами, пулеметами и снарядами. Отсюда начиналась дорога на Смоленск...

Июльские ночи в Москве коротки — полная темнота наступает только на три часа, но во время затемнения это самые темные три часа на земле.

Каждую ночь я отправлялся на радиостанцию или просто гулял. Как-то около часа ночи я брел по улице неподалеку от Красной площади, вытянув перед собой руки. В черном мраке с ревом проносились всевозможные грузовики, мчась на запад по дороге в Смоленск. Я уже успел наткнуться на трех милиционеров, заметив их только тогда, когда заключил их в нежные объятия. После довольно долгих переговоров мне удалось убедить милиционеров, что я не немецкий парашютист и не диверсант. Но через несколько минут мне в грудь уткнулся неведомо откуда взявшийся фонарный столб. Я-то был убежден, что иду посередине тротуара, но после этой встречи решил поскорее свернуть в переулок, подальше от столбов.

Нащупав угол, я обогнул его и пошел дальше вдоль стены дома. Через несколько шагов я заметил, что с трудом отрываю ноги от земли. Мне это показалось странным: я нисколько не чувствовал себя уставшим и был обут в легкие туфли. Я попробовал поднимать ноги повыше, но ничего не изменилось, и, нагнувшись, я обнаружил, что моя правая нога по щиколотку погружена в незастывший бетон.

В переулке царил непроницаемая тьма. Кое-как я побрел вперед, вновь нащупал угол и пошел дальше, спотыкаясь о мешки с песком, ноги дежурных и какие-то загромождения. Мне пришлось в голову, что бетон, пожалуй, сохранит отпечатки моих ног, и я задал себе вопрос, что предпримет руководитель работ, когда наутро обнаружит оставленные мною следы, — зальет он их бетоном или сохранит?

Тут кто-то посветил мне фонариком в лицо и втащил меня в темный подъезд. Я показал свой пропуск, и та же рука вытолкнула меня из подъезда.

Я дошел до следующего угла и начал переходить улицу. Вдруг, словно человек, оступившийся на темной лестнице, я провалился в пустоту. Казалось, прошла вечность. Потом я увидел на уровне глаз край тротуара и ощутил под ногами мягкую грязь. И тут же в меня вцепились две пары рук — одна скрутила мне локти за спиной, а вторая давила горло. Я попробовал вырваться, но чье-то запястье вжалось мне в подбородок и запрокинуло мою голову.

Я умудрился что-то пробормотать.

Запястье у меня под подбородком слегка отодвинулось.

— Товарищ! — крикнули мне в ухо. — Что вам тут надо?

— Где «тут»? — крикнул я. — Где я?

Мой нос уткнулся в холодное мокрое железо. Это был край канализационного колодца. Вспыхнула спичка, и я увидел тех, кто меня держал. Это были рабочие, которые сняли крышку колодца и чинили водопроводную трубу. Я достал свой пропуск, вспыхнула вторая спичка и осветила синий картонный квадратик.

— Кто же, кроме диверсанта, полезет сюда, — буркнул один из них, возвращая мне пропуск.

— Я не диверсант, — возразил я. — Я заблудился.

— Все равно надо будет проверить вашу личность, — объявил второй. — Пошли. Мы вылезли наверх, и они повели меня к углу, крепко придерживая за локти. Там милиционер — кажется, тот самый, который уже проверял мой пропуск, — отошел с нами в подъезд и осветил мне лицо фонариком. Он задал несколько вопросов и отослал рабочих. Потом повернулся ко мне.

— Иди, куда шел, американец, — сказал он. — Что-то тебе сегодня не везет.

— Это все затемнение, — начал я. — Будь посветлее...

Милиционер щелкнул каблуками и вернулся на свой пост.

В целом в эти первые дни войны Москва жила обычной жизнью. Только на окнах были наклеены бумажные полосы, а витрины закрыты мешками с песком. Дотраивались новые здания, без перерыва продолжались работы по передвижению домов для

расширения улиц — их передвигали на десять, двадцать, а иногда и на тридцать метров. Немцы приближались к Смоленску, но Москва сохраняла спокойствие.

Весь день напролет громкоговорители на улицах и в парках передавали последние известия и инструкции населению. Один такой громкоговоритель был установлен на фасаде достраивающегося многоквартирного дома, и под изложение правил о поведении граждан во время воздушной тревоги каменщик, невозмутимо стоя на лесах, украшал фризом новый подъезд.

Первая бомбежка Москвы произошла ровно через месяц после начала войны. Четыре миллиона москвичей благодаря учебным тревогам были готовы к ней, и за полчаса до того, как первая пятисоткилограммовая бомба была сброшена недалеко от Кремля, все жители столицы, кроме тех, кто так или иначе участвовал в противовоздушной обороне, уже сидели в убежищах.

В эту первую ночь я спустился в метро и прошел в глубину туннеля, где на путях разместилось несколько тысяч человек. Час спустя я решил выбраться наверх и посмотреть, что там происходит. Когда я поднялся на платформу, милиционер потребовал, чтобы я вернулся в туннель. Но я показал ему свой ночной пропуск, объясняя, что я — американец и должен выполнять свои обязанности даже во время налетов. Собственно, ночной пропуск во время воздушных тревог был недействителен, но я размахивал им с таким апломбом и говорил так быстро, что милиционер в конце концов пропустил меня, а на другой день я выхлопотал себе пропуск на время воздушных тревог и больше до конца моего пребывания в Москве в убежища не спускался.

В эту первую ночь немцы сбросили на Москву весь смертоносный груз двухсот бомбардировщиков, которые проходили над городом волнами с перерывом в полчаса. На здания и улицы сыпались тысячи зажигательных бомб величиной с рекордный оранжевый огурец. Недели учений дали свои результаты: пожарным и просто московским гражданам, дежурившим на всех крышах, удалось отстоять свой город от огня. «Зажигалка» не успевала упасть, как ее засыпали песком или швыряли в бочки с водой, которые стояли на всех чердаках и крышах. Алые сполохи занимающихся пожаров, как правило, гасли почти сразу же — дежурные быстро справлялись с огнем.

А с неба, свистя, падали фугасные бомбы, врезались в здания, вырывали кратеры на мостовых.

Действия противовоздушной обороны все эти пять с половиной часов не утрачивали слаженности и четкости. Сотни прожекторных лучей вонзались в небо. Непрерывно били зенитные батареи, расположенные кольцом вокруг Москвы, а также зенитные пулеметы и легкие пушки, установленные на крышах.

За эту ночь зенитным огнем было сбито семнадцать «юнкерсов».

После полуночи мы с моим русским шофером Александром приготовились промчаться через весь город на радиостанцию. Машину мы вечером оставили в проулке и теперь обнаружили, что сорванная взрывом железная решетка застряла у нее между колес. Мы пробовали в темноте убрать решетку. Вокруг по земле стучали осколки зенитных снарядов. В половине второго я должен был вести передачу на Америку и прекрасно понимал, что не сумею добраться до радиостанции, если нам не удастся справиться с решеткой. Ни такси, ни автобусов, ни метро — а до радиостанции четыре мили. Во многих странах — и, в частности, в Германии — радиостанции прекращали работу во время воздушных налетов, поскольку они дают своего рода пеленг. В Москве, однако, радиопередатчики не отключались никогда — возможно, русские считали свои передачи чрезвычайно важными и шли на риск, но скорее всего они попросту не боялись того, что немцы могли обрушить на них с неба.

Мой шофер был настоящим силачом, да и я не слаб, однако мы почти полчаса возились с этой решеткой — тянули ее и дергали, но без малейшего результата. В конце концов к нам подошел милиционер, и втроем мы ухитрились приподнять машину и высвободить ее из ловушки.

Потом мы помчались по улицам, которые были темнее алабамских сосновых лесов в новолуние, хотя иногда и озарялись вспышками падающих вокруг зажигалок. То и дело впереди возникал смутный силуэт пустого трамвая, и я инстинктивно хватал рулевое колесо и поворачивал его. Александр сердито толкал меня локтем в ребро и требовал, чтобы я не мешал ему вести машину: он не слепой и трамвай видит не хуже всякого другого.

Позади нас в мостовую врезалась фугасная бомба, и воздушная волна швырнула машину в сторону. Мы чуть было не влетели в дом, но Александр в последний момент выкрутил руль и мы соскользнули в воронку. К нам бросились народные ополченцы посмотреть, живы ли мы, но Александр дал задний ход, машина выползла из воронки, и мы помчались дальше.

Чтобы хоть что-то различить в темноте, Александр прижался носом к ветровому стеклу и рванул вперед со скоростью сорок пять миль в час. Я уперся ногами в пол, держась за дверцу и за спинку сиденья.

За четыре квартала до радиостанции впереди на мостовую упала пятисоткилограммовая фугаска. Александр впечатал тормозную педаль в пол, и мы встали у самой

воронки. В воздухе еще летали кирпичи и булыжники, но почему-то ни один не угодил в ветровое стекло. Зато они грохотали по крыше машины и по капоту.

Снова дав задний ход, мы объехали воронку и добрались до радиостанции, почти не опоздав. Радиостанция работала совсем так же, как в мирное время. Только сотрудники вместе с оборудованием перебрались в подвал, который несколько напоминал палату для буйнопомешанных — стены, полы и потолки были обиты толстыми матрасами. Подвал содрогался от рвущихся неподалеку фугасных бомб, но грохот взрывов сюда практически не доносился. Вряд ли кто-нибудь из тех, кто слушал мою передачу в Соединенных Штатах, мог заподозрить, какой ад бушевал совсем рядом: ведь радиостанция входила в число важнейших объектов бомбежки.

Земля задрожала, здание содрогнулось, и микрофон задребезжал на подставке. Я судорожно сглотнул, перевел дух и продолжил передачу. Взглянув на стеклянную контрольную кабинку, я увидел, что режиссер и звукооператор ухмыляются во весь рот и кивают мне. По выражению их лиц я понял, что передача идет в эфир, словно ничего не случилось. Тут я окончательно решил, что русские надежно контролируют ситуацию, и Гитлеру, чтобы нарушить нормальную жизнь Советского Союза, придется придумать уж совсем невеселое. А ведь гитлеровские молодчики в эту ночь сделали все, на что были способны.

Вести передачу в подвале, когда кругом рвутся фугасные бомбы, — это одно, но стоять на крыше с ведром песка в одной руке и ведром воды в другой, пока с неба сыплется град зажигательных бомб, — совсем другое.

В эту ночь мы с Маргарет¹, чтобы переменить обстановку, забрались на крышу английского посольства, которое находится на восточном берегу Москвы-реки, прямо напротив Кремля. По пути на посольскую крышу мы с женой встретили сэра Стаффорда Криппса, тогдашнего английского посла в СССР, который спускался в подвал с книгой о китайском земледелии, халатом и собакой.

На крыше моя жена сразу начала устанавливать камеры, а мы с моим шофером устроились на южном конце крыши и приготовились ждать. Темнота была — хоть глаз выколи, дорогу по крутому скату мы нащупывали ладонями.

На крыше находилось несколько военных и военно-морских атташе, однако хотя я слышал их голоса, но не мог различить на черном фоне неба ни единого силуэта.

Ровно в десять завывли сирены, и через несколько минут вокруг города взметнулись ввысь светящиеся столбы прожекторных лучей. Загremели зенитные батареи на северной окраине города, и почти сразу мы услышали ноющее жужжание «юнкерсов».

Я ждал грохота фугасных бомб, но вместо этого раздался странный звук, словно из окна второго этажа на пустую бочку высыпали мешок фасоли. Это падали с неба тысячи «зажигалок».

Я услышал, как Маргарет побежала укрыться в чердачном окне, а мой шофер начал что-то кричать мне по-русски. При обычных обстоятельствах Александр вполне сносно говорил по-английски, но на этот раз он предпочел родной язык.

— Паанглиски, паанглиски! — крикнул я.

Он что-то закричал в ответ — как мне показалось, объясняя, что ситуация сложилась чисто русская и сейчас не время упражняться в английском языке. Несколько часов спустя, когда обстановка стала более или менее нормальной, выяснилось, что он советовал мне окунать зажигалки в воду, а песок приберегать на крайний случай.

Начали бить зенитные орудия, расположенные вокруг Кремля, и по крыше, словно град, застучали осколки. На мне была каска, а Александра я заставил привязать к голове небольшой мешок с песком. Маргарет была в каске, но я опасался, что ей понадобится менять пластинки в камерах именно в тот момент, когда град осколков будет особенно силен. И действительно, она решила выскочить из своего окна и изменить фокусировку одной из камер как раз тогда, когда на город начали кидать зажигалки. Я завопил через всю крышу, чтобы она скорее возвращалась на чердак и чтобы не смела нагибаться — не то шальной осколок, вместо того чтобы удариться о каску, вопьется ей в спину.

На крышу шлепнулась первая зажигалка, но кто-то из англичан тут же ее загасил. А кругом творилось что-то невообразимое. На востоке взметнулось алое зарево, словно бомба попала в цистерну с бензином. Напротив посольства повсюду в Кремле вспыхивали шары белого пламени. Сотни зажигательных бомб падали среди его шпиль и куполов, но их тушили почти мгновенно, и после первой белой вспышки они исчезали в воде или под песком.

Вокруг, сотрясая дома, гремели зенитные орудия, и по мостовой светляками рассыпались искры от осколков, ударявших по асфальту.

Александр прогромыхал по крыше к окну, крича что-то невнятное, и сбежал вниз к нашей машине, возле которой растекалось ослепительно белое пламя. Он высыпал на бомбу ведро песка и вернулся на крышу, где бомб теперь хватало на всех. Кое у

¹ Маргарет Борк-Уайт — журналистка, фоторепортер. Фрагменты ее книги «С фотоаппаратом на войне в России» были опубликованы в «Иностранной литературе» № 5 за 1975 г.

кого были асбестовые рукавицы и железные щипцы, так что они могли хватать бомбы и опускать их в бочки с водой, а все прочие, и я в том числе, лили на бомбы воду, сыпали песок, а если они не гасли, стлкнували их ногами на землю, где они не могли причинить вреда.

Град осколков усилился. Все звуки тонули в грохоте орудий, а небо было исчерчено трассирующими пулями. Александр поправил мешок с песком у себя на голове, а я подвернул брюки. Маргарет выскочила из окна и сменила пластинки. Английский генерал полз по коньку крыши к тому месту, где вспыхнула зажигалка. У меня не осталось ни воды, ни песка, и очередную бомбу мне пришлось сбросить вниз. Она упала на цветочную клумбу.

Летчики рассчитывали на свет пожаров для прицельного бомбометания, теперь же, когда их расчеты не сбылись, они начали бросать осветительные ракеты, и пока те медленно опускались на своих парашютах, бомбардировщики обрушили на Кремль фугасные бомбы. Маргарет влезла в окно и прижалась к балке, мы с Александром изо всех сил уцепились за печную трубу. Если бы мы этого не сделали, воздушная волна от разорвавшейся поблизости пятисоткилограммовой фугаски смела бы нас на землю.

Внезапно над нами совсем низко пролетел самолет. Под крыльями у него вспыхивали и гасли зеленые и красные огни, показывавшие зенитчикам, что это — советский ночной истребитель. Мы с Александром спустились с крыши и поехали на радиостанцию. На полдороге нам пришлось остановиться, потому что с северо-запада приближалась новая волна бомбардировщиков. Они уже не тратили времени на поиски цели и швыряли бомбы куда попало. Одна упала совсем рядом с нами. Мы юркнули под машину и переждали, пока не упал последний обломок кирпича, а потом поехали дальше.

Окончив передачу, я вышел во двор радиостанции и чуть было не свалился в глубокую воронку, но Александр вовремя схватил меня за плечо. Оказалось, что все стекла в здании вылетели, но я узнал об этом только сейчас — передача прервана не была.

До последней минуты не было ясно, сумеем ли мы купить билеты на поезд до Архангельска, хотя накануне позвонила кассирша и заверила нас, что мы можем быть спокойны — девять шансов за и только один против.

Мы встали в шесть утра. Был обычный рассвет начала октября. Башни Кремля и высокие дома вокруг отеля плавали в густом тумане, а по стеклам стекали струйки воды.

В Москве не было и намека на панику — ничего, кроме суровой решимости научиться всему, что могло пригодиться для обороны города. Девушки, дети, старики и домашние хозяйки учились заряжать пулемет, бросать гранаты под гусеницы танков, носить винтовку и полдюжины молочных бутылок с горючей смесью. Никто на свете не мог бы сейчас сравниться с москвичами твердостью и целеустремленностью.

Накануне в течение нескольких часов я объезжал северные и западные окраины столицы. Немцы рвались к Кремлю, и население Москвы, сознавая всю меру опасности, готовилось встретить ее. Там, на окраинах и на подступах к городу, я понял одно: каков бы ни был исход, оборона Москвы войдет в анналы истории как самая героическая оборона нашего времени. Доказательства этого я встречал на каждом шагу. Отряды рабочих по пятьсот человек, если не больше, рыли противотанковые рвы невиданной глубины и строили другие укрепления. Не пять-шесть отрядов, а десятки, если не сотни. Большинство составляли народные ополченцы, но бок о бок с ними работали женщины, дети, продавцы, пекари, актеры, учителя, носильщики, журналисты, слесаря и стенографистки. Здания минировались, на улицах возводились противотанковые укрепления. Город был готов к угрожающей ему осаде.

Гитлер не сумел, как рассчитывал, разгромить Советский Союз в стремительной двухмесячной кампании, потому что гражданское население страны без паники выдерживало воздушные налеты, а солдаты не боялись его армий. Ему удавалось словно по часам сокрушать другие страны благодаря искусному использованию страха и пропаганды. Советские люди, однако, питали к немецкому фашизму глубочайшее презрение, преодолеть которое Гитлер был бессиль, и когда он обрушил на них свою ярость, то получил ответный удар, на какой способен только народ, единый в своем мужестве и гневе...

В начале восьмого позвонила кассирша и сообщила, что билеты для нас есть. Наш поезд отходил в 9.45, но мы на всякий случай отправились на вокзал в восемь.

Посадка началась за тридцать минут до отхода поезда, и мы шли к нашему вагону мимо густых толп красноармейцев и матросов, грузившихся в военные эшелоны, которые увозили их на север. Наш поезд состоял из четырнадцати пассажирских вагонов и двух почтовых.

До отхода поезда оставалось десять минут, и мы принялись устроиваться — в мирное время этот путь занимал двое суток, но нам предстояло ехать три дня и две ночи. В поезде не было вагона-ресторана — все такие вагоны, как и купейные, к поездам с начала войны не прицеплялись.

Поезд отошел точно по расписанию, и Москва довольно быстро осталась позади. Мы проехали фабричный район, где не было заметно никаких следов бомбежки, и за

окном замелькали одноэтажные деревянные домики пригородов. Эти бревенчатые некрашенные дома на одну семью с двумя—пятью комнатами типичны для России, и их можно увидеть повсюду от Украины до Белого моря.

Первые пятьдесят миль в северо-восточном направлении мы ехали со скоростью около тридцати миль в час. Вокруг расстились зеленые холмы с разбросанными по ним березовыми и сосновыми перелесками, где можно было заметить группы детей, женщин, а иногда и солдат, собиравших грибы. Сельский пейзаж казался таким же мирным, как полгода назад, но в каждом большом селении можно было заметить те или иные признаки войны — артиллерийские или танковые позиции, марширующих солдат и обязательно военные грузовики.

Мы часто останавливались, пропуская эшелоны. Со стороны Ленинграда шли санитарные поезда, а навстречу им мчались составы товарных вагонов, в их открытых дверях толпились веселые, смеющиеся солдаты, и составы из платформ с танками — тяжелыми, средними и легкими. На крышах вагонов, на тормозных площадках платформ задирали вверх стволы зенитные пулеметы и пушки. Эти поезда шли на полной скорости к Ленинграду, и интервалы между ними порой не превышали десяти, а то и пяти минут.

Друзья в Москве уговорили нас запастись провизией на дорогу, и мы не раз с большой благодарностью вспоминали их советы. Мы взяли припасов на три дня; в трех корзинках кроме хлеба, масла, джема, сыра и ветчины лежали шесть бутылок минеральной воды, жареная курица, икра — паюсная и зернистая — и копченая колбаса. До отъезда мы побаивались, что набрали лишнего, но уже к концу первого дня стало очевидно, что мы должны экономить, если хотим растянуть наши запасы на все девятьсот миль, которые нам предстояло проехать в поезде, то и дело простаивающем на запасных путях от пяти минут до четырех часов.

Около половины шестого начало смеркаться, и проводница прошла по вагону, опуская шторы затемнения на окнах. Потом она зажгла единственную синюю лампочку под потолком в середине вагона, и пассажиры начали устраиваться на ночь. Постели были только у нас с Маргарет, а все остальные просто завертывались в пальто и растягивались на своих полках.

Ночью мы повернули и теперь ехали прямо на север. К полудню второго дня мы проехали около трехсот миль и оказались на одной параллели с Ленинградом, который находился западнее. Мы пересекли ленинградскую ветку Транссибирской железной дороги и покатили дальше на север.

Погода оставалась туманной, но к вечеру второго дня заметно похолодало. По вагону гуляла ледяная сквозняки, и мы мерзли, хотя спали в одежде, укрывшись пальто и одеялом. По какой-то причине — возможно, в связи с войной — вагоны не отапливались.

На заре я отодвинул штору затемнения и увидел за окном крутящиеся снежные вихри. Земля была скрыта под сугробами. С крыш станционных зданий свисали длинные сосульки.

Около полудня поезд остановился в довольно большом городе на сорок минут, и Маргарет решила во что бы то ни стало раздобыть какой-нибудь горячей еды, а я остался в вагоне сторожить наши вещи. Мы заметили, что наши спутники спали, подложив под голову вместо подушек узлы и чемоданы, а те, у кого было несколько вещей, связывали их веревкой с хитрыми узлами. Итак, я остался в вагоне, а Маргарет побежала через пути к буфету. Там оказалась очередь человек из пятидесяти, и она простояла около получаса, поглядывая то на дымящуюся кашу, то на поезд. Добравшись, наконец, до прилавка, Маргарет узнала, что тут кашу дают по талонам, и ей пришлось бежать в другой буфет — коммерческий, где каша продавалась свободно, но по более дорогой цене. У нее не было времени стоять еще полчаса в другой очереди, а потому она начала громко объяснять, что ее поезд скоро уйдет.

Поднялась суматоха; по-видимому, мы были не только единственными иностранцами в поезде, но оказались первыми чужеземцами, ступившими на землю этого городка. Кто-то побежал звать милицию, чтобы арестовать «немецкую шпионку», но тут морской офицер, говоривший по-английски, в мгновение ока уладил недоразумение. Он помог Маргарет купить большой бачок ячменной каши с растопленным маслом, и она благополучно вернулась с ним в вагон.

Мы тут же уписали эту кашу до последнего зернышка. Нигде в мире я не едал ничего вкуснее. Потом говоривший по-английски моряк, который ехал в соседнем вагоне, принес нам банку рыбных консервов и сам вскрыл ее. После чего проводница внесла в вагон большой бак с кипятком, и мы налили себе полные чашки. Чай не было, а с собой мы его не захватили, но оказалось, что к северу от шестидесятой параллели горячая вода отлично заменяет и чай и кофе.

Мы стояли на этой станции очень долго, пережидая бесконечные составы с солдатами, танками, самоходными орудиями и всем прочим. Поезд тронулся почти в пять вечера, а до Белого моря оставалось еще больше четырехсот миль.

Утром мы съели последний хлеб и вскрыли банку с клубничным вареньем. Наши запасы совсем истощились, у нас осталось немного паюсной икры, кусок сыра и колыцо копченой колбасы, а в пути нам предстояло пробыть, по-видимому, и четвертые сутки. Поэтому мы решили разделить остатки еды — я выбрал сыр и икру, а Маргарет сказала, что ее вполне устроит колбаса. Мы припрятали свои порции и договорились, что пер-

вый, кто съест свою долю, не будет глядеть умоляющими глазами на второго. Мы ехали через глухие северные леса, и было ясно, что на станциях ничего съестного продаваться не будет.

Поезд шел по плоской равнине с легким уклоном к северу. По обеим сторонам железнодорожного полотна лепились лесопилы, но вокруг не было видно никаких следов человеческого жилья — лишь изредка за окном мелькали деревушки. На маленьких станциях, где мы останавливались, виднелся десяток домишек среди моря черной грязи. Тут лил дождь, и казалось, он льет, не прекращаясь, круглый год. Дома были бревенчатые, как и южнее, но более грубой постройки. Кое-где стояли стога сена, приподнятые на подпорках над мокрой землей — единственные признаки сельскохозяйственных занятий. Коров не было видно, но возле каждого дома на крыльечке, под навесом или у стены жались две-три козы.

Среди рабочих, которых мы видели из окна, три четверти были женщины — они перекачивали бревна, грузили вагонетки, копали торф. Железная дорога тоже обслуживалась почти исключительно женщинами, а единственными мужчинами в поездной прислуге были машинист и кочегар.

В полдень на третий день я заметил, что поезд набирает скорость и мы все меньше времени стоим на запасных путях. Появилась надежда, что мы доберемся до устья Северной Двины — места нашего назначения — еще до полуночи. Маргарет, которая совершенно освоилась с жизнью в жестком вагоне, сказала, что с удовольствием готова провести на своей полке еще одну ночь: ей это нравится. Тем не менее она доела колбасу, а я на всякий случай решил не обедать — вдруг нас поставят на ночь на запасной путь.

Однако поезд все набирал и набирал скорость, и к пяти часам стало ясно, что мы приближаемся к большому городу. На холме высился лыжный трамплин. Дома были оштукатурены, выкрашены и окружены чистыми дворами.

В половине шестого, когда солнце заходило за горизонт, наш поезд остановился у вокзала на болотистом западном берегу Северной Двины. Здесь железнодорожный путь кончался. Напротив лежал Архангельск. Мы находились на два градуса южнее Полярного круга, и дальше путь в Америку лежал через зимнее арктическое море.

Перевод с английского И. ГУРОВОЙ

ФРИДРИХ ВОЛЬФ

Германская
Демократическая
Республика

Из книги
«Он разбудил мир»,
1954 г.

ФРИДРИХ ВОЛЬФ (1888—1953) — немецкий драматург. Автор пьес «Бедный Конрад» (1924), «Матросы из Катарро» (1930), «Профессор Мамлок» (1934), «Флоридсдорф» (1935), «Троянский конь» (1937), «Бургомистр Анна» (1950), «Томас Мюнцер» (1953), романов «Двое на границе» (1938), «Менетекел, или Летающие блюдца» (1952).

Многие пьесы Ф. Вольфа ставились на советской сцене.

Семнадцать буханок хлеба

Случай с семнадцатью буханками хлеба произошел зимой, в донской степи 21 января 1943 года. Сейчас станет ясно, почему я так точно запомнил дату.

Шестая гитлеровская армия, отвергнув предложенную советскими войсками капитуляцию, была отброшена назад, на еще более узкие рубежи. Железное кольцо окружения смыкалось все теснее. В огромных просторах зимней степи даже мелким группам немецких соединений не удавалось вырваться из жестких клещей и отойти на запад. Так, в предрассветном утреннем тумане мы наткнулись на группу штабных офицеров и их адъютантов во главе с полковником Э. Полковник был немало удивлен, увидев перед собой советских солдат; его люди и он тотчас же сдались в плен, при этом он не преминул подчеркнуть, что как лицо, близкое к «штаб-квартире фюрера», он рассчитывает на особое с ним обращение. По документам было видно, что он из Дрездена. С 1912 по 1914 год я работал в Дрездене ассистентом врача и спросил на всякий случай, как поживает его кузен Э., чья историческая драма шла тогда на королевской сцене. Полковник уставился на меня как на привидение. Оказалось, тот действительно был его кузеном! Кроме того — откуда чужой человек в русском полушубке, зимой, в степи на Дону, мог знать его кузена? Я ответил господину полковнику, что в данный